

**Владимир
Александров**

АКУКА

Владимир Александров

Акука

«Издательские решения»

Александров В.

Акука / В. Александров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835900-2

Повести «Акука» и «Солнечные часы» — последние книги, написанные известным литературоведом Владимиром Александровым. В повестях присутствуют три самые сложные вещи, необходимые, по мнению Льва Толстого, художнику: искренность, искренность и искренность...

ISBN 978-5-44-835900-2

© Александров В.
© Издательские решения

Содержание

К читателям	7
АКУКА	8
Утро	9
Мне пора	10
Первый час	12
Удобная память	14
Новые окна	15
Хутор мой Шилишки	16
Зрячее время	17
Не печка греет	19
Акука прилетел	20
Имя	21
Железный режим	23
Зелёнка	24
Наш аист	25
Клубника, клубника	27
Лошадка	28
Надо знать, что тебя любят	30
Ласточки утром	31
Колодец	32
Ястреб	34
Коллективное хозяйство	36
Пять смыслов одного дела	38
Наша Эгле	39
Ложкой по лбу	41
Кайка	43
Макушка лета	44
Пудик	45
Первый бедовый	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Акука

Владимир Александров

© Владимир Александров, 2016

© Лидия Александрова, дизайн обложки, 2016

© Акука, иллюстрации, 2016

Редактор Лидия Александрова

ISBN 978-5-4483-5900-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателям

Владимир Александров, чью книгу вы держите в руках, за свою недолгую жизнь (он умер, когда ему было всего 58) написал немало хороших, интересных книг, признанных и занявших свое достойное место в нашей литературе. Был он и прекрасным журналистом – публицистический дар, интеллигентность и высокая образованность не давали его очеркам, статьям о литературе, театре затеряться в море массовой прессы.

Но две его повести, которые, я уверена, доставят вам редкую сегодня радость чтения светлой, искренней прозы – нечто для него особенное, неожиданное. В свое время они немало удивили друзей и всех тех, кто хорошо его знал. А знали его как человека совершенно городского, ощущавшего себя в столице, как рыба в воде – театры, библиотеки, выставки, конференции, бесконечное общение со множеством интересных людей... Любимые площади, фонтаны... И вдруг – тонкое, ясное, пронзительное и чуткое повествование о жизни лесного хутора, окруженного природой и органично живущего её простой и непростой жизнью. Обо всём, что вокруг этого хутора встречается и случается он написал так, словно всегда был частью той жизни. А произошло вот что. Однажды мы приехали в отпуск в Литву, на хутор Шилишки. Он увидел землю, небо, поле, луга, лошадей, услышал звон отбиваемой косы и стук молотка, песни птиц, гул пчелиного роя, шуршание колосьев, скрип половиц, вдохнул ошеломляющие запахи хлеба, свежего сена, сушеных грибов, малинового листа... С тех пор, до конца отпущенных ему дней, на несколько месяцев в году он покидал городскую жизнь, поселялся в Шилишках. Здесь и родилась его неожиданная проза.

Он увидел жизнь хутора зорким, добрым и понимающим взглядом человека, знающего цену каждого часа, прожитого на земле. А потом судьба подарила нам внука. И внук, этот малыш, возрастом чуть больше года, был с нами в Шилишках. И тоже внимательно глядел вокруг. Он ещё не знал цену времени, но уже чувствовал необъятность пространства, в котором открывал ось ему множество удивительных вещей. И Бог дал Владимиру Александрову мгновенья, когда он видел этот огромный, восхитительный неведомый мир глазами ребёнка, недавно пришедшего на землю, ещё не знающего зла, а только любовь и добро. И они вместе, дед и внук оба мудрые и открытые всему, что вокруг, удивлялись, радовались. узнавали, принимали всей душой и всем сердцем.

Бог дал автору талант написать о тех мгновениях так, что читаешь и видишь всё ясно, пронзительно, и душа словно омывается чистой водой прозрачных речек и озер, озаряется добрым светом гармонии первозданной природы, не закопчённой причудами цивилизации, но обогащённой и украшенной трудами людей, работающих на земле.

«Акука» – первое слово, которое произнес наш малыш. Этим словом он называет всё, что есть вокруг. Все разнообразие познаваемого маленький Антоша объединил одним словом в цельный, неделимый мир. И в этом огромный потаённый смысл.

Автор назвал время, которое он проводил на хуторе, «зрячим временем»: «Мне кажется, теперь я вижу все». Он видит всё ещё и потому, что в этом времени присутствует ребёнок, познающий мир. И привычное, примелькавшееся предстаёт необыкновенным, разнообразным и ярким. И посещают прозрения.

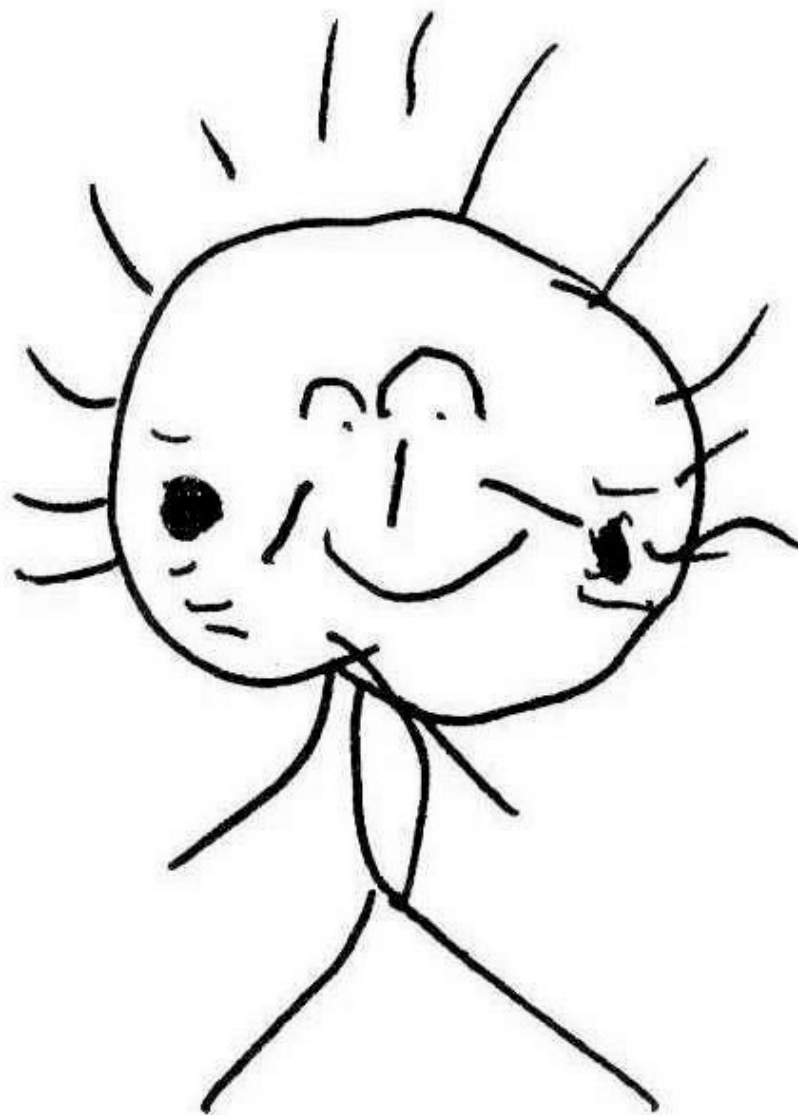
Надеюсь, и вы, прочитав книгу, станете зорче, увидите привычное по-новому, острее ощутите запахи и звуки природы, и вас посетят прозрения о мире вокруг вас и внутри вас.

Лидия Александрова

АКУКА

АКУКА

*СВОБОДНАЯ ПОВЕСТЬ
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ
ПРО 3 МЕСЯЦА И 13 ДНЕЙ*

Утро

Душистый сосняк на горке.

Большой черный блестящий муравей спускает по травяному откосу крупную красную земляничину. Горка крутая. Трудное дело затеял. То снизу подопрёт собою земляничину, чтобы не укатилась. То снова сверху на неё насадет: через сосновую иголку-двойчатку перекатывает, камушек обходит.

К вечеру, пожалуй, прикатит. Вот только куда?

А как узнаешь. Не катить же с ним до захода солнца. Ещё помешаю, дело испорчу.

Пойду-ка домой. Подумаю про муравья.

Сколько же надо ему уметь, терпеть, напрягаться! Для чего? Да чтобы смысл жизни почувствовать. Чтобы и завтра работать и надеяться на послезавтра. А можно и так сказать: чтобы и завтра жить. Потому и заметил народ: «Без пригляду одни только муравьи плодятся».

Труженики земле нужны. Чего же тут приглядывать!

Пока думал про муравья, сосны расступились и дом мой показался у лесной дороги. Радуюсь дому своему, а всё про муравья думаю. Как он там, катит ли, не упустил ли ягоду землянику, не оплошал ли?

Дома хлеб лежит на столе. Неправильно лежит – нижней коркой вверх. Я перевернул хлеб. Зачем? Так надо. Как в печку сажали, как пекся, да как вынимали из печи, так пусть и живёт, пока человека кормит. «Каравай хлеба починай с головы».

Положил хлеб правильно и снова муравья своего вспомнил. А мимо окошка идет соседкин зять Михал. Идет с севальником. Это лукошко для семенного хлеба, его вешают через плечо.

Сегодня Михал севец, сеятель. А не успеет засеять поле сегодня, значит, он и завтра сеятель.

Теперь про Михала думаю. Сколько же надо ему уметь, терпеть, напрягаться. Для чего? Да чтобы жить хорошо и красиво на своей земле. «На счастье мужик и хлеб сеет». А счастье – это всё, что делает человека довольным и покойным. Счастье «доволит и покоит», – говорят старики.

Где этому учатся? Да на той же земле и учатся. Где же ещё. Была бы охота. Выходит, все мы, и люди, и муравьи, – братья. Как хлебные зёрна.

Мне пора

Последним апрельским утром звонит мне знакомая – тетя Зоя:

- Ну, как, собираешься?
- Собираюсь, Зочка, пора!
- А как там Акука?
- Носится по квартире.

– Ну, ладно, мои дорогие, я ещё позвоню.

Через час звонит подруга жены тетя Люся:

- Вы когда в Литву-то уезжаете?
- Я с вещами – завтра, остальные недели через три.
- И Акука?
- Конечно. Куда же его девать?
- Акуке будет там хорошо, – одобряет тетя Люся.

К обеду приходят старинные приятели дядя Леня и тетя Лера. Увидели Акуку – рассмеялись.

– Иди ко мне, иди! – зовет его тетя Лера.

Навстречу ей катится дробный топот, будто бегут сразу пять щенков.

Дядя Леня берет Акуку на руки, треплет его голову.

– Аку-ка! – звонко катится по квартире.

– Счастливого вам пути! – говорят старинные приятели. – Нам пора: надо еще успеть в кондитерский.

– Спасибо, что зашли, – говорю я.

Дядя Леня спускает Акуку на пол, снова треплет его рыжеватую голову.

– Аку-ка! – несется вслед гостям.

– Ребята, продолжаем сборы! – приказываю я.

...На хутор путь не простой. Поездом до Вильнюса, а дальше как получится. Может кто из друзей на машине довезет 90 километров. Может, еще на одном поезде – до станции Жеймяна, а там на лошади встретят. По разному бывает.

Вещей всегда много. На всю семью да на всё лето и осень. На полгода получается. А потом прилетят Акука, жена и дочь. Самолётом проще, меньше хлопот с Акукой. Правда, ещё не известно, как Акука перенесёт свой первый полёт. Но по-другому не получается: или вещи или Акука.

Я всегда приезжаю на хутор первый. Дом обжить-обогреть, хозяйство небольшое развернуть-наладить. Вещи зимовавшие просушить. Постирать кое-что. Мало ли дел в лесном доме и вообще на хуторе, где не был с октября минувшего года.

Как все это вспомню, так на пословицы тянет, на поговорки: «Дом невелик, да лежать не велит».

...Вот и наступило мое «завтра»

Ждем такси. И тут, конечно, звонит дядя Эдик. Он муж тети Зои, но немного ухаживает и за моей женой.

- Собрался? – беспечно спрашивает Эдуард.
- Выходим уже, а ты звонить затеял! – нервно отвечаю я.
- Ну, ты там смотри, не балуйся! – смеётся дядя Эдик.
- Сам смотри! – грубовато говорю я.

Такси ждёт под окном.

– Присядем на дорожку...

Жена и дочь проходят в мою комнату. Плотно закрываем двери.

Жена берёт на руки Ауку. Багира – наша чёрная красавица-кошка давно разлеглась в кресле. Аука вертится, крутит головой, вырывается на пол.

– Сели... – мрачно говорю я.

Молчим.

– И поехали, – объявляю я в пространство комнаты.

Обнимаю женщину, глажу Багиру, треплю головёнку Ауки.

Багажник такси забит под крышку.

До встречи через три недели!

Первый час

Вот я и в лесу.

Открыл дом, вошёл в свою комнату. Я работаю здесь с весны до поздней осени. Сел к столу перед окном. Примерился. Поёрзал на стуле. Стол в какой-то трухе. Потрогал ее, понюхал, сгрёб в ладонь и вспомнил! Осенью, перед отъездом в Москву я оставил на столе тыкву. Думал дождётся меня, перезимует в нетопленной хате.

Мыши думали по-другому. Хорошо, видно, пировали на тыкве. И долго пировали, тыква-то была не маленькая.

Смотрю в окно. Высокие сосны, в них теряются три дороги и одна тропа. Правее – две stodолы. У одной крыша рухнула ещё зимой 1981, снег тогда был большой. Красиво стояла, красиво и рухнула. Теперь stodола напоминает роскошный архитектурный шедевр.

Колодец у самого дома. Лужайка чистая, ярко зелёная. Вот-вот зацветут одуванчики. В любую секунду их тяжёлые бутоны готовы треснуть и впервые улыбнуться солнцу.

Окно у меня большое, в полстены. Сидишь возле него, а кажется – на лужайке! Бинокль всегда на столе: в дождь можно разглядывать небо и лес из комнаты.

Посидел, примерился, снова поёрзал на стуле. Ну, что ж, можно начинать работу?

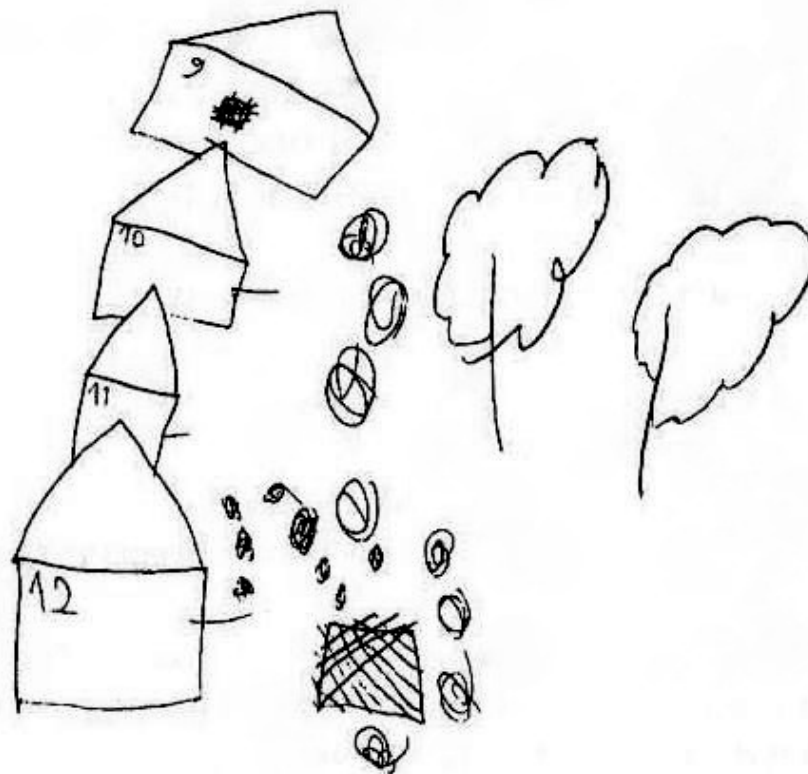
Нет. На подоконнике, с наружной стороны, толстый слой ласточкина помёта. С прошлого лета лежит. А подоконник соседней комнаты чистый. В ней почти не живут, и ласточки привыкли селиться под стрехой над моим окном. Так им уютнее. Человек сидит за стеклом, вечерами из окна стелется тёплый рассеянный свет – одуванчиковый привет моей настольной лампы. В комнате тихая жизнь. Человек не шумит, не мешает, не суется не в свои дела.

Даже помёт не убираю под гнездом! Может ласточкам так ещё покойнее, привычнее. Потому и лепят гнездо точно надо мной.

Стук пишущей машинки ласточкам не мешает. Но, конечно, хотя бы раз в день я смотрю, как они строят. Откуда сенцо носят. Где его в грязь окунают-обмакивают, чтобы лучше лепилось. На какой грядке в огороде головками блестящими крутят. Это они так отдыхают. Летом на провода пересядут. А сейчас, в строительные дни – на грядках свежих расположились.

Комочки земли для гнезда выбирают почернее, пожирнее. А заодно и верещат, обмениваются новостями. Крутит ласточка головкой, нервничает – гнездо-то не готово, и светится паленое пятнышко на её зобке.

И так каждую весну, каждый май.

Сегодня пятое мая 1988 года. Ласточки привыкли прилетать с шестого на восьмое. Как раз с Юрьева дня по Марков день.

Время ласточкина прилёта с давних пор связано у крестьян с надеждами на близкое лето. Хоть и примечали люди: после Юрьева дня ещё двенадцать заморозков бывает. Но именно шестого мая, не позднее, всем положено в поле выходить. Раньше – можно, позже – грех. Юрьев день – начало полевых работ. А «на Марка – небо ярко – бабам в избе жарко». Вот, оказывается, как подгадывают ласточки! Жду ласточек, а сам вещи хуторские и московские разбираю.

Расставил книжки, рассовал по шкафчикам крупы и консервы. Вытащил на солнышко одеяла, подушки, телогрейки, куртки – они зимовали на хуторе. Пусть продышатся верные вещи, пусть погреваются.

Воды из колодца достал. Зимняя пока вода – зеленоватая, сонная. Ничего, к ночи вычерпаю, и к утру оживёт мой колодец, наберётся живой воды – прозрачной, весенней.

Что дальше? Печь надо протопить. А пока она топится, можно огородик покопать возле дома.

«Дом вести, не лапти плести». Что верно, то верно!

Вот и второй, и третий час прошёл моей новой жизни. Это моё время. Я называю его «зрячим временем». Мне кажется, теперь я вижу всё. От мая до октября всё вижу. С новосельем!

Удобная память

Упомянул я тут Юрьев день, Марков день и подумал: а ведь моя жизнь на хуторе подчиняется сельскому календарю. Этот календарь помнит всё. Значит, надо чуть-чуть рассказать о нём.

В дореволюционной России работы крестьянина-земледельца определялись датами церковного христианского календаря. Постепенно календарь, даты обросли местными признаками погоды, приметами, пословицами. Крестьяне искали зависимость урожаев и недородов от погоды. Замечали сроки сева, ухода за посевами, начала уборки, запоминали даты зацветания диких растений. Со временем и святцы подчинились быту крестьянина, его заботам об урожае: «Из одного дерева икона и лопата»!

Святцы – это список святых, которых чтит православная церковь. Составлены святцы в порядке месяцев и дней года. Иначе святцы называют месяцесловом.

Чаще всего святым давали прозвища, связанные с началом и концом какой-нибудь работы. Так было удобнее запоминать даты. Ведь записей народ не вёл и потому легко приспособил месяцеслов к своим наблюдениям. Например: Василий—капельник, Герасим-грачевник, Родион-ледолом, Еремей-запрягальник, Мавра-зелёные щи, Фёдор-житник, Степан-сеновал, Исакий-малинник, Авдотья-огуречница...

Приметлив, поэтичен труд земледельца! Так и складывался народный календарь. Нам очень нужны всё эти приметы. Они возбуждают чувства, напоминают о потерях, будят совесть.

Вот и получается, что наши предки умели и избы рубить, и землю пахать, да ещё устные календари-месяцесловы составлять. Крестьяне связаны с природой ежедневно, ежечасно своим трудом.

Народный календарь помогает крестьянину и сегодня считать своё трудовое время, иметь свою историю. Это удобная памятка. По ней живёт и мой хутор Шилишки.

Новые окна

Устроился хутор на песчаной горке. Здесь хорошо во время грозы. Ходит, гуляет гроза в вышине, но сосен наших не задевает. Гроза – а под ней хутор в три дома.

Греми себе на здоровье!

Погуляет, погуляет гроза вокруг хутора и скатывается за речку Лакаю. Шалют после дождя дрозды, как дети шалют. И никто не смеет их пугать, пусть распоются! Прощумела гроза, а утром глазам не веришь: деревья новые выросли! Это старые веселей зазеленели и распушились – молодую зелень поддразнивают.

Смешной у меня дом. Ему лет восемьдесят и он синего цвета. Лет девять назад заменили в доме окна. Маленькие вынули и врезали большущие: от какого-то коттеджа или даже от виллы! С тех пор и смотрю я из старого дома через новые окна.

– Хорошо бы поехать туда, где тебя ждут, – любит повторять мой друг.

На хуторе меня ждут. Ждут всегда. Я это знаю.

Кто ждёт?

Все! Леса Лабанорские, речки, тихое лесное озеро, ухоженные луга, дом и стодолы, колодец, соседские собаки, трясогузка у печной трубы, скворешни и гнёзда, болото клюквенное...

Откуда я знаю, что ждут?

Я так думаю.

Хутор мой Шилишки

Лет тридцать назад хуторов в Прибалтике было много.

Хутор – отдельная усадьба в два-три жилых дома с ужожами, со скотом и сельским хозяйством. Ужожи – это поля, пастбища, выгоны для скота, огороды и все строения вокруг жилого дома. Всё, за чем надо ухаживать, что должно быть ухожено. «Без ужожей дом – волдырь», – говорит народ.

На хуторе все культурные земли под хозяйской рукой. До всего близко. Все хозяйский глаз сам доглядит. Лично!

Есть у нас три стодола. Это просторные, высокие сараи для скота, повозок, для хранения сена, конской сбруи, плугов. Здесь же и бак для качания мёда держат – центрифуга называется.

Раньше хутора были привычной сельской картиной, ничего особенного...

Теперь на хуторе, по-моему, все особенное. И что усадьба отдельная и живёт в лесу далеко от городка. И что самый ближайший городок – Швенченелай за десять километров. И что всякого скота много.

Время постаралось: из «ничего особенного» сделало сказку, где всё особенное. Потому особенное, что человек современный дальше и дальше от природы и здорового труда уходит.

А как за детей обидно! Ведь большинство их никогда не видели домашнюю скотину. Не знают, как подсолнух живой цветёт и головой крутит. Попадут такие ребятишки на хутор лесной – растеряются. А то и заплачут вместе с родителями: дети – от страха, мамы-папы – от тоски.

В синем доме с новыми окнами я чаще всего живу один. Старые его хозяева умерли, молодые перебрались кто в Вильнюс, кто в Швенченелай. Вот и приезжаю я сюда из Москвы. Статьи пишу, книжки и существую как все.

Кто эти «все»?

В одном соседнем доме живут старые поляки: пан Ян Юсис и его жена пани Текля. Летом к ним раз в неделю приезжают дети и внуки, иногда и отпуска здесь проводят.

В другом доме жила одинокая пани Юзя. Да прошлой зимой умерла. Теперь домик её пустой.

Знаком я с соседями и их детьми больше десяти лет. Помню стариков ещё бодрыми, быстрыми, ловкими. Теперь-то трудно им управляться с хозяйством. Но не сдаются, привыкли жить и работать на земле. По-другому жизни не понимают.

Вот так и живём: они и я. Живём по-разному, но по-соседски.

В свою погоду гуляет вокруг хутора гроза, цветёт вокруг него черёмуха и сирень.

Черёмуха и сирень соловьям нужны – для пения, чистого и одурманивающего и соловьев, и слушателей.

И уводят с хутора четыре дороги. Иди, куда хочешь.

И уносят с хутора две речки. Плыви, куда хочешь.

Самая красивая дорога – перед моим окном. Она как огромная ветка. Отойдёт от дома и не спеша к перекрёстку тянется. Потом в лес уходит и дальше через вырубки, гари и молодые посадки будто в небо поднимается.

Случится плохое настроение и кажется мне, что и небо заканчивается вместе с хуторскими дорогами. И тогда изводит меня только одно желание: лишь бы майским утром увидеть черёмуху. Упали дороги в Лабанорские леса, разбросали руки и ждут.

Зрячее время

– Как перезимовали? – спрашиваю у старой Текли.

– Со стариком трудно – ноги не хотят ходить. Злитесь на себя...

А я и зимою, из Москвы вижу их лесные дни и ночи и как им обоим тяжко. Но никогда они не откажутся от этой жизни. Они – дома.

Здесь их стены и дымит послушная труба. И не дым это совсем. Это летучая тёплая забота друг о друге и такой же летучий тёплый отдых до следующего близкого утра.

Здесь братские души среди доверчивых стен.

В своём доме на стены не натыкаются. Это всё равно что наткаться на облака, на туманы. Протяни руку – и сама рука выведет тебя к свету – к такой же золотой руке.

На хуторе живут испытанные, оседлые слова.

Кто и долго ли ещё будет их слушать?

Чтобы сохранить сокровенные слова, здесь надо жить и работать. По-другому не сохранишь. Ведь слово – это дело.

Утро – моё время...

Поднимается солнце. На трубу опускается окоченевший с ночи залётный берёзовый листок. Ждёт, когда затопят печь. Тёплый дымок оживит его, смахнёт с трубы и, глядишь, снежёт к родному дереву берёзе.

Сердце не молчит, значит, глаза видят.

Пустые зимние сани впали в летнюю спячку. Нетерпеливая телега сегодня дремала под молодым месяцем, под звёздами. Телега ждёт ранних хозяев – человека и лошадку.

Хотите частушку? А то рассказ что-то грустноватый!

У ворот стоит телега,
Мелки семечки грызёт.
Отморозила оглобли —
Никто замуж не берёт!

Говорят, на хуторе зимнее время училось расти и умирать у дуба. Такое оно тяжёлое и медленное.

А весеннее время?

Весеннее время должно обгонять первоцветы, но, главное – успевать за озимым хлебом.

День – моё время... Он поворачивает хозяйство к маю, к лету, к солнцу. Зацвели яблони. Лепестки черёмухи засыпали двор. Никто ни к кому не стучит в двери. Прохожие случаются, но ни одного пришельца.

В будние дни не бывает гостей. С мая по август редко гостюют, некогда. А коренные люди и так на виду один у другого. И руки их на виду.

Вон заскорузлые пальцы Яна и Текли в занозах чертополоха.

Такие руки могут излечить ближнего от тоски, а землю от нелюбви. Излечат делом, других лекарств у них нет.

На худой Текле вечный фартук цвета палой листвы. Снимает его только на ночь. Днём отдыхает – не снимает, некогда. Вижу соседку и в голове крутится постоянный вопрос-ответ:

– Сколько тебе лет?
Сколько вчера было, того нет!
Под стол ходила —
хворост носила;

стол переросла —
коров доить пошла;
косу отпустила —
работницах служила;
пора настала —
с молодым гуляла;
пора пришла —
замуж пошла;
замужем сорок лет жила —
тяжко горюшко несла...
Вот тебе и весь сказ,
а когда родилась —
память извелась!

Это приговор знаменитой Олонецкой стиховодницы Ирины Андреевны Федосовой. Приговор 1895 года!

И что из того, что душа стариков-соседей оглохла к тайнам. Да, может, и не было для них в жизни тайн. «Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа».

Вечер...

Старикам время опустить руки. Дать рукам и себе отдых. Мне время поднять руки — откровенно признаться: трудно жить, как они; нет физической силы на такую жизнь. Душевные силы есть. Они и держат меня возле стариков. Спасибо им.

Не огня прошу. Прошу терпения.

Перед самым сном будто лопаются надо мною почки неуклюжих, невысказанных, сокровенных слов. И валится на меня налитая их тяжестью верхушка лохматого дерева. Ель столетняя валится. Значит засыпаю...

Зрячее время не прощает иллюзий.

Хорошо.

Не печка греет

И снова утро. Солнечное, сосновое и травное.

Пани Текля сидит на низенькой скамеечке и стрижёт дымчато-белую грустную козу. На них свешивается душистая розовая ветка яблони. Шерсть пеной падает и падает на одуванчики.

Коза положила голову на колени хозяйки и покорно смотрится в задубелый до блеска её фартук. Потом поднимает рогатую голову – глядит в ласточкино небо. Коза молчит. Ей не жалко своей облачной шерсти. Ей легче дышится. Это всё, что можно понять, глядя на козу и Теклю. Козы непоследовательны и своенравны. Но их можно держать на привязи! Овец на хуторах почти не держат – из-за волков. Некому пастушить, каждая пара рук и ног нужна в поле и на огороде. А «без пастуха овцы не стадо».

Гудят пчелы, охаживают-облетают яблоневый цвет над головой и одуванчики под ногами. На паре задних пчелиных лапок топорчатся шарики-ботфорты, розовые и оранжевые. Так смешно налипает яблоневая и одуванчиковая пыльца. Зато переносить удобно!

У хутора нашего, со стороны поля есть каменный холм.

Откуда он, кем насыпан?

Пахарем.

Годами пахарь и огородник выбирают камни из-под сохи и лопаты, из-под бороны и лошадиного копыта, из-под вил и собственных каблуков. Сперва человек кидает камни на межу, на край поля и огорода. А появится время – сносит в выбранное дорожки место.

Десять, тридцать, пятьдесят лет растёт каменный холм. Памятник хуторянина себе, своим рукам, спине своей. Простой памятник – строгий и опрятный.

Смотрю на стариков-соседей. Соображаю.

Из всех истин человеку в конце концов остается земля и небо. Значит и мне. Мой хутор мал. Мал наш мир. Коротки длинные заботные дни. Но велик зов дома: дом постоянно ждёт человеческого тепла. Не печка греет.

Акука прилетел

Сегодня 21 мая. В этот день народ приговаривает: велика милость, если сегодня дождь пойдёт. С этого дня, считается, приходит устойчивое тепло.

Завтра прилетает в Вильнюс моя семья с Акукой. Сегодня надо добираться до города.

Надеваю оранжевый рюкзак. Зелёным лесом иду к ближайшей станции. И поездом до Вильнюса. Ночую, как всегда, у старого друга, литовского прозаика.

Самолёт прилетел минут на пятнадцать раньше! Подрулил к сетке-забору. За забором сгрудились встречающие. Одни с цветами, другие с детьми, есть даже с собаками.

«Не испугался бы Акука», – подумал я и заволновался. Лоб мокрый, спина холодная. Как перенёс Акука первый в жизни полет? Ведь маленький совсем.

Автобус «Икарус» подвозит пассажиров к сетке. Моих нет.

Поцелуи, цветы. Собаки покрупнее по-свойски бьют хозяев лапами в грудь. Мелкота разноцветная просто визжит и скачет от восторга.

«В этот автобус не сели», – догадываюсь я и ещё больше волнуюсь.

Следующий «Икарус» катит. Глазами сразу отыскал своих. Акука на руках у жены. Дочь держит огромную белую сумку.

– Акука-а-а! – кричу через сетку.

– Аку-ка! – во весь свой шестизубый рот отзывается внук.

Жена с мальчишкой подходит ближе. Внук прячет лицо в её плечо. Игра у нас такая. Это значит нет внука, спрятался внук, пропал куда-то.

– Как долетели?

– Спокойно, – отвечает бабушка. – Мальчишка долго носился по аэровокзалу. А внесли в самолёт – он и заснул. Проснулся, когда шли на посадку.

– Аку-ка! – хохочет маленький авиапассажир.

Хохотать внук начал, кажется, с четырёх месяцев.

Мы в то время не хохотали: ни жена (бабушка), ни я (дедушка), ни наша дочь (мама Акуки). Внук непрерывно болел, начиная с родильного дома.

Мы захохотали месяцев через семь-восемь. Сегодня 22 мая. Внуку один год, два месяца и один день. Пусть смеётся, сколько хочет. И мы вместе с ним.

Имя

Откуда такое имя – Акука?

Это не имя, а прозвище. Даже не прозвище. «Акука» – первое слово, какое сказал внук в своей жизни. Взял однажды и сказал:

– Акука!

Хорошее слово, удобное. Им можно назвать всё, что хочешь. И меня, и бабушку, и табуретку, и горшок, и телефон, и кошку Багиру, и черепаху Чечю. И самого себя.

И читается слово легко с обоих концов. Хоть справа налево, хоть слева направо – всё равно получается АКУКА.

Настоящее имя у мальчишки тоже есть. И родители есть. Только фантазии у них нет. Полное имя внука – Антон Антонович.

Я сперва звал его Городничим. Звал в знак протеста. Потому что в пьесе Гоголя есть такой персонаж – Антон Антонович, а работает он городничим.

Звал я, звал внука Городничим, а потом подумал: «А, может, у меня нет фантазии?» И перестал дразнить мальчишку.

И остался внук не по своей вине на всю жизнь Антон Антонычем.

Думаю, у родителей наших внуков должно быть больше фантазии, а то скука наступит. Если говорить честно, родители должны были назвать внука Вовой. И вот почему.

Заметил однажды мой друг, что моя дочь скоро станет мамой и задумался. Задумался и написал стихотворение «Про Вову и корову»:

– Я Бурёнушка, корова,
Молоко даю!
– Ну а я, Косынкин Вова,
Подою тебя, корова,
Мигом подою...
Что-то нету молока,
Не звенит ведро пока,
Еле-еле как-кап-кап,
Больше надо молока б!
– Не спеши, Косынкин Вова, —
Говорит ему корова, —
Ты бы лучше, мужичок,
Скинул новый пиджачок:
Молоко течёт в рукав,
Вот и «кап-кап-кап»!

Поэт прочитал стихотворение художнику. Художник нарисовал рыжеватого Вову в фартуке и голубую корову с красным цветком в губах на голубом лугу.

Поэт и художник отнесли свое творчество в журнал «Мурзилка». И в двенадцатом номере за 1986 год всё это напечатали.

А через два с половиной месяца родился мой внук...

С настоящей коровой Антон Антонович через год познакомился. А вот Вовой так и не стал – из-за родителей. Самое главное друзья мои знали: родится мальчик.

Будущая мама и даже её подруги не знали. Будущая бабушка и даже её задушевная подруга тетя Люся не знали. Ни один врач не догадался! Я вот тоже не знал. А поэт и художник знали. И заранее подготовились: придумали про будущего Вову стихотворение с картинкой.

Настоящие детские поэты и художники всё умеют и всё знают!

Только вместо Вовы получился Антон Антоныч. Но мы теперь знаем почему.

Какой из себя Антон Антоныч? Точно, как в «Мурзилке». Маленький, сантиметров 70 от земли. Весит килограммов 12, и бабушке тяжело его поднимать. Да он и не любит на руках ездить. Он пешком обожает ходить. Или в коляске ехать, но не долго. Пешком лучше.

Самые образованные учёные говорят: характер зависит от имени. Например, «Антон», по их исследованиям – почему-то обязательно получается противоречивый, упрямый и настойчивый.

Посмотрим.

Железный режим

И вот мы на хуторе все вместе. Как бы получше начать жизнь?

Бабушка решила начать нашу новую жизнь строго.

Сейчас 8 часов 25 минут, – строго сказала бабушка. Она повернула к нам свои часы.

Мы замерли.

– Правда, часы мои стоят, – добавила она мягче, но всё-таки ещё строго.

Я засмеялся.

Время у бабушки летит стремительно. Не успевает за всем уследить, даже за часами.

Но всё равно режим у Антона Антоновича будет железный.

...А мама мальчишкина уже улетела.

Сами знаете – мамы, особенно двадцатилетние, теперь тоже сплошь строгие. Они уверены: за бабушками строгий глаз нужен. Антон Антонычу как раз такая мама попалась. Она студентка.

Мама-студентка помогла привезти своего ненаглядного мальчика на хутор, проверила, как здесь хорошо, и через пять дней вернулась в Москву. Читать книги по генетике, доучиваться.

Зелёнка

День начинается росисто, не жарко. Из тёмных сеней на солнечную траву выбегает голый внук.

– Пусть закаляется! – говорит бабушка.

«Пусть», – думаю я, но молчу.

Нынешней весной полно комаров. Сегодня у них праздник – знакомство с Антон Антоным.

Поздновато мы поняли это!

Бедный внук уже чешется – сурово, неумолимо, до крови. Пыхтит от усердия. Маленькая рука достаёт укусы в любой точке бледного тела. Такое увидишь только в цирке, когда выступает «женщина-змея» или китаянка с фарфором на бамбуковых тросточках. Расчесал укусы и на лопатках, и на позвоночнике, и даже страшно сказать где ещё. Но не плачет, не убегает. Антон Антонычу некогда, ведь он чешется, скребётся, царапается.

А что же бабушка?

Бабушка отловила внука и теперь сердится – на себя, на меня, в последнюю очередь на комаров. Бабушка у нас часто бывает справедливой.

Сердится и украшает поверхность внука изумрудными пятнами зелёнки. Украшает плотно, без пропусков и осечек. «Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит!»

Человек-салют из внука получается.

Мальчишка извивается из всех своих голых сил. Но сегодня волю бабушки ему не согнуть. Хорошо бы обрисовать Антон Антоныча в зелёнке. Но у меня не хватит слов.

...А вечером к соседям приехали по делам лесники.

Антон Антоныч бросился к их пыльному мотоциклу с коляской. Потрогал фару. Сунул палец в спицы, потом палку. Пытался залезть на седло, но упал. Снова полез.

Выходят мужчины от старика Яна, а перед ними раскрашенный Антон Антоныч.

Молодой, чисто выбритый парень в форменной фуражке привалился от смеха к стене. Два других лесника повалились в траву. Такого здесь они ещё не видали.

– Комары в Красной книге, а ты их вон сколько угробил! – сказал лесник в фуражке.

– Маугли, – добавил самый старший и вытер глаза платком.

– Акука! – ответил внук и почесал макушку.

Наш аист

После 10 мая на хутор каждый день прилетает белый аист.

Давний знакомый. Большой, тяжёлый, видно, в годах. Гнезда у него нет и спутницы нет. Наш аист общительная душа! Опустился на конёк крыши и сразу щелкать красным клювом. Оповещает двор о своём появлении.

Обе собаки и особенно куры истерично возмущаются. Нестройным, трусливым хором завидуют свободной птице. А птица щелкает клювом себе и нам на радость да головой крутит на все четыре стороны. Хутор приветствует!

Антон Антоныч торопится навстречу аисту.

Живность дворовая успокаивается, внук поднимает руки и кричит:

– Аика! – так он аиста называет.

Успокаивается и аист. «Вот и новая весна, – думает он, – а люди так и не приладили доньшко под гнездо. Где им теперь: стары мои хуторяне, сами себя обихаживают с трудом».

Аист разгуливает по коньку Яновой крыши. Подолгу стоит на коньке, охорашивается. Знает важная птица: ни на эту крышу, ни на душистую сосну возле дома старики-хозяева уже никогда не вытащат тележное колесо, корзину или хотя бы автомобильную покрывку.

«Значит, и гнезду моему здесь не быть», – сотый раз говорит себе аист.

А внизу, задрав головёнку, стоит мальчишка.

Ян и Текля хорошо понимают аиста, а помочь и правда не могут. Раньше могли, но откладывали с весны на весну. Так и не выбрали времечко в плотной хуторской жизни. Теперь оно ушло. А как хорошо было бы пожить в таком счастливом соседстве!

Могли бы и дети гнездо устроить, но тоже с весны на весну откладывают. Да и не верят старики в их таланты. Отговаривают детей, сглазу боятся, руки неверной: а вдруг аист откажется от городской помощи? Так бывает.

Подразнил аист живность дворовую, вызвал щёлком из дому Антон Антоныча и теперь на поле перелетает. Рядышком совсем.

А как летит! Широкими крыльями не взмахивает, а высоту набирает.

Краем поля похаживает длинноногий. Держится спиной к солнцу: так глаза не слепит и зайчики от клюва не распугивают лягушат. Хитрит!

Ходит-ходит, и вдруг головка надолго в траве тонет. Клюв у птицы ловкий, но и лягушата народ проворный. Так просто не уловишь, не схватишь. Аисту есть хочется, а лягушонку-то жить надо, прыгать, а не аистов да ворон подкармливать.

Птица перелетает на люпин, на люцерну, расхаживает между грядок картофельных, потом перемахивает в овсы и на клевер. Ходит неторопливо, будто воздух клюёт перед собою. И кажется, от клюва к лапам волна перекачивается по тонкому мускулистому телу.

Вот и окончен утренний обход.

Аист, аист, длинноногий,
Покажи домой дорогу...

Весною и осенью, до отлёта, аист ходит за плугом по свежей дымной пахоте. А нет других дел по утрам – стоит на одной ноге возле коровы или лошади. Стоит, в глаза скотине смотрит. Хочет понять хорошо ли отдохнули корова и лошадь ночью, гордо ли головы держат. Настроением главных работников интересуется. Сам одинокий, наш аист уважает одиноких корову и лошадь. Ценит равную себе компанию. А теперь вот и к Антон Антонычу присматривается.

– Аика, – внук показывает бабушке на аиста.

– Аист, – соглашается бабушка.

Аист смотрит в глаза Антон Антонычу.

Клубника, клубника

Пришёл июнь. Самые длинные и самые светлые дни. Утренний воздух пронизан солнечными лучами и будто ворочается. То скатывается с неба по мощным лучам-протуберанцам, то поднимается по ним от земли в голубую высь.

Писклявый месяц! Птицы-родители разлетаются с утра искать корм. И целый день не умолкает писк птенцов-невидимок. Писк из-под крыши, писк из дупел, из зарослей сирени, с вырубков.

Сегодня 7 июня, на грядках – спелая клубника.

По народному календарю в этот день начинают собирать лекарственные травы. Мы тоже собираем – литовский поэт Анзельмас Матутис приучил. И чай из них составлять научил. Это был его секрет. Матутис умер, и теперь секрет чая из трав, получается, наш.

– Антоша, проводи меня на клубнику, – просит бабушка.

– Акука! – соглашается внук.

Один раз проводил, а дорогу на всё лето запомнил!

Первая в жизни мальчишки живая клубника! Расхаживает внук между грядок. Почти как аист, только нос короче, хоть и красный. Расхаживает, на ягоды не наступает – успевает срывать. Щеки и лоб раскрасились клубничным соком, налипшими остатками ягод. И пятна зеленки, ясное дело, сияют. А глаза – горят.

Постепенно сок растворяет зелёнку и малый превращается в маленькое огородное пугало. Точно по поговорке: «Торчит меж людей, как пугало в горохе».

Ой, хорош!

Обычно вид у Антон Антоныча на клубничных грядках строгий. Да еще кепку-жокейку надевает козырьком назад или вбок. Отрицательный такой весь.

Помню, июль кончался, и клубника давно сошла, но Антон Антоныч всё равно строго разгуливал на грядках. Присматривался: вдруг какая клубничинка задержалась на кустике.

И находил. Два дня находил, три. Привык находить. Тут клубника-то и кончилась. Не верит мальчишка глазам, изучает грядки, ищет – а вдруг...

Лето для бабушки и внука проходит вместе с разными ягодами. По ягодам лето идёт! В лесу да на земле всё своё время знает. И человек охотно подчиняется знаниям земли и леса. И быт свой хуторской под них подлаживает.

Легче всего к жизни природы приспособлены старики да малые дети. Старый – привык, а малый никакой другой жизнью ещё не жил. Потому и хорошо Антон Антонычу на хуторе.

С утра до вечера хорошо. С вечера до утра.

А кукушки уже не слышно. Заколосились озимые – кукушкина песня спета. «Ячменным колосом подавилась», – шутит поговорка.

Не туман июньский опускается на хутор. Это поля, огороды, река, дома как бы вдыхают туман. Словно весь день прошёл на одном вдохе, а под вечер, наконец, удалось выдохнуть.

Особенно глубоко и ровно дышит хутор под молодым месяцем. Отдыхает хутор и не поймёшь – то ли раскачиваются, то ли плывут в бледно-сиреневом тумане дома, столы, сосны, лошадка на лугу...

Лошадка

Пошёл Антон Антоныч к колодцу. Проверить пошел: вдруг у колодца пустые ведра стоят. Если есть, значит и я там, и мы вдвоём будем воду доставать.

Я буду ворот крутить, Антон Антоныч положит подбородок на край сруба и будет заглядывать в страшную глубину. Посмотрит-посмотрит да и крикнет в темноту:

– Акука!

– Ука-а-а! – отзовется глубина.

Сто раз крикнешь и сто раз глубина ответит!

Пошёл, значит, мальчишка к колодцу. Вёдер нет, дверца специального шалашика-домика над колодцем закрыта на крючок. Поискал меня внук глазами. Не видно. Покричал. Не слышно.

Отправился искать дальше, зашёл за дом. А там, всего-то через дорогу песчаную, в траве стоит лошадка!

Антон Антоныч, конечно, к ней направился. А в руках – красная кружка с молоком: когда ещё про колодец думал, он молоко пил.

Пересёк дорожку, а за нею, оказывается, луг. Идёт мальчишка по высоким травам с кружкой молока. Под ноги не смотрит, на лошадку глядит. Обогнул куст сирени и дальше топаёт.

А мышиный горошек и клевер молодой дергают Антон Антоныча за штаны льняные белые. Уже и пупок кривой показался на пузе.

В левой руке кружка, а одной правой разве штаны поддёрнешь как положено? А глаза на лошадку смотрят. Головёнку обдувает ласковые ветерок. Луг вяло выбрасывает горстями белянок, капустниц, лимонниц. Рассыпаются, рассыпаются бабочки против ветра, на Антон Антоныча натываются.

Как порванные бумажки кувыркаются бабочки над лугом.

Шагает себе Акука-человечек по лугу, идёт к лошадке. И так он занят, что нет времени молоко выпить.

А травы идут и идут за мальчишкой, стягивают штаны и стягивают. Лошадка головой кивает – заметила гостя, ждёт.

Смотрит ягода «вороньего глаза» на человечка с красной кружкой и удивляется.

И ромашковые островки на лугу удивляются.

Совсем близко лошадка. Голову с чёрной челкой подняла, ушами поводит, Антон Антоныча встречает.

А он вдруг ни с места. Не может ноги из травы вырвать. Ни шагнуть, ни двинуться. Запутался. И руки заняты штанами и кружкой. Посмотрел Антон Антоныч назад: луг, куст сирени и всё. Дома нет.

И заревел Антон Антоныч на весь луг во всё горло.

Ревет, а кружку и штаны не выпускает.

Двинулась лошадка к нему на помощь. Совсем было подошла, да кончился запас привязной цепи. Натянула её и остановилась. Головой мальчишке кивает, чёлкой трясёт, губами к его мокрой щеке тянется, но не достает – цепь не пускает.

Так и стоят. Один кричит, другая кивает.

...Просто и ясно жить в деревне. А заблудиться можно у самого дома. Тогда всё перед глазами смешается. Весь мир за минуту превращается в бескрайний луг да в непроходимые заросли сирени. Ни дома, ни следов к дому.

Мальчишкина рука с кружкой тянется к большой теплой лошади. А травы за ноги держат.

Доверчивая душа лошади жаждет познать братскую душу своего маленького гостя. А цепь не пускает. Тёплое дыхание лошади не успеваешь осушить горькие слёзы мальчонки.

Прибежали мы на крик. Освободили Антон Антоныча из плена травяного и очень удивились: он почти не разлил молоко!

Взялись всё трое за руки, подошли к лошади. Вылил я молоко в бабушкины ладони, лошадка втянула его мягкими губами и языком прошлась по ладоням.

Когда-нибудь я расскажу внуку эту историю.

Надо знать, что тебя любят

А могу и другую рассказать, похожую – про птенцов куропатки.

...Тучи плывут над вечерним ячменным полем. Бежит в ячмене семейка маленьких куропаток – десять штук. Маму догоняют.

Робкая серая стайка в густом жёлтом поле.

Ворона бояться. Лисы бояться. Шмеля бояться. Ветра бояться.

Бегут, падают, друг на друга натыкаются, маму зовут. Крылышки топорщат, сами себе мешают.

Легко в высоком ячмене заблудиться.

Но перед самым заходом солнце разорвало тучи, наклонилось к ячменному полю осветило его так, что стало все видно!

И птенцы весело побежали на крик матери.

Повзрослеет Антон Антоныч хотя бы ещё на один месяц – сам найдёт в травах дорогу домой. И до лошади сам дойдет.

Сирень будет душистым маяком. Липа старая маяком-жужжащим: в ней пчелы работают. Сухой тополь – вороновым маяком, с него ворон на бабушку смотрел. А малинник дикий на берегу Першокшны пусть будет маяком сладким.

Пойдёт мальчишка к лошадке и почувствует, как к нему прикасается Сама Жизнь. Душистая, цветная, поющая, летающая, текущая, светящаяся. Почувствует мальчишка, как любят его вода и воздух, день и вечер, земля и травы, ночь и утро, дом и бабушка, луга и облака.

А потом пусть ещё месяц пройдет, и поймет Антон Антоныч главное. На самом-то деле надо знать очень немного.

Надо знать, что тебя любят. Надо понимать, что твоя кожа, а что только одежда твоя.

И мир, любя, прикоснется к твоей сути – к самому главному в тебе.

Ты поймешь это, не волнуйся.

Ласточки утром

– Антон, вставай! Ласточки играют.

Прозрачным солнечным утром в высоком небе играют касатки – деревенские ласточки.

Лихо планируют друг другу навстречу, гладко расправив крылышки. А то идут рядом, все вместе и вдруг веером расходятся над землею с весёлым свистом.

Блестят на солнце перламутровые грудки. Переливаются под солнцем иссиня-чёрные головки и крылья. И всё же в солнечном луче ласточка отликает золотом. Золотое мгновение – и она снова воронья.

Я вспоминаю старинную загадку про ласточку: «Шитовило-битовило, по-немецки говорило, спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, с исподу бело полотенце».

А чуть позднее, часов в восемь утра, обрываются игры ласточек. Исчезает их беззаботность и веселье.

В небе появляются сверхзвуковые истребители. Они тоже любят тренироваться в хорошую погоду. Когда истребитель переходит с нормальной скорости, дозвуковой, к скорости сверхзвуковой, возникает тяжёлый, как близкий пушечный выстрел, воздушный удар. И ласточки пугаются. Неужели не привыкли?

А можно ли к такому привыкнуть? Даже человек пугается.

И вот уже не щебечут, не свистят наши ласточки. Они бестолково трещат и безрадостно носятся вверх-вниз, вверх-вниз.

Ласточки привыкли к солнцу, к тёплому дождю, даже к грозовым молниям. Воздушный удар сверхзвукового истребителя для них как звук охоты и беды. Разве к такому привыкают?

А как страшно, наверное, ласточкиным птенцам...

Снова бросается самолёт на сверхзвуковой барьер.

И вздрагивают наши дома, столбы, стога, колодцы.

Вздрагивает высокий обрывистый берег Лакаи – вместе с седыми елями, корабельными соснами, старинными берёзами.

Как убитая, с треском падает в воду красавица ель. Её корни безжалостно выворачивают-отваливают мшистое тело древнего берега. Неуклюже переваливается полуживая глыба песчаного откоса, прошитая лопающимися корнями, и сползает в воду. Тоже, как убитая. Сползает и тонет вместе с норами ласточек-береговушек, с птенцами.

Плашмя шлепается в речку живая берёза – ровесница Яна. Шлёпаются и летят в воду гнёзда дроздов, синиц, малиновок. И так – до десяти часов утра.

А бывают учебные полёты истребителей вечерние, ночные...

Есть поверье: кто разорит гнездо ласточки, у того будут веснушки. Не страшное, конечно, наказание, особенно для мужчины. Но даже его не испытают экипажи сверхзвуковых самолётов. У Антон Антоныча веснушки есть. Но они от рождения. Ласточек он уважает.

Колодец

Всё видит старый Ян. У него два наблюдательных пункта – подоконник и скамеечка возле дома. В любую погоду на посту.

Старик сразу заметил: Антон Антоныч не играет в песке, не возится с игрушками. Больше крутится возле нас. Помогает бабушке белье носить с проволоки, где оно сушится. Бросает в воду свои грязные вещички. Камни кидает в Першокшну с мостика. Книжки листает с картинками. Дверь входную раскачивает туда-сюда. В тазу с водой посиживает. Путешествует между яблонями и ульями.

– Ходит, ходит он у тебя, пани Лида, – говорит старик нашей бабушке.

Моя жена у него «пани», а я – «пан». Такое у поляков обращение.

– Помощник растёт, – отвечает бабушка, опуская глаза, и в голове у неё делается горячогорячо.

Да, совсем не играет, – одобрительно качает головой старик. – Ходит, ходит...

Так старый человек освобождается от тоски по здоровым ногам, по движению, по крепкой работе. Возраст отнял у него это счастье. И даже в маленьком ребёнке он оценил деловую неуёмность, осмысленность муравьиной суеты малыша.

«Жизнь не кончена...», – рассудительно думает Ян.

Верно говорят: «Ребёнок играет куклой, кошка мышью, а всяк любимой мечтою».

Муравей наш, как и сосед, ближе к мечте. Нашел-таки пустое ведро и тащит к колодцу.

Иду за ним. Открываю крышку, опускаю ведро. Антон Антоныч от нетерпения пританцовывает на месте, ходуном ходит, высоко поднимает колени, размахивает руками над головой. «Сучит ножками», – говорит бабушка.

Ждёт мальчишка, когда полное ведро вынырнет из гулкой глубины. Вынырнуло. В ведре плавает большая лягушка.

– Акука! – кричит внук и хватается за лягушку.

Она выскальзывает из его ладошки и быстро-быстро прячется в крапиву.

– Все, Антон, спасибо! – Я закрываю колодец. Относим ведро в дом.

Вчера мы выгнали в ведре крота! Завтра снова пойдём за водой

Колодец есть и возле соседского дома. Антон Антоныч навещает и к нему. Тайком от бабушки.

Но не так это просто – подобраться тайком. Ведь и у другого колодца есть хозяйка. Это пани Текля. Ей восемьдесят два года и Антон Антонычу она получается прабабушка, только соседская

Сегодня повезло: добрался мальчишка до её колодца. Схватился обеими руками за железную ручку ворота и стал раскачивать туда-сюда, туда-сюда...

– Антоша, нельзя к колодцу! Вот я тебя палкой! – скрипучим голосом объявляет прабабушка Текля.

Она тоже видит всё, как и её муж. Соседка издали грозит мальчишке можжевелевой палкой. (А палку-то я сделал, когда пани Текле стало трудно ходить.)

Антон Антоныч строгость со стороны ценит. Услышал прабабушкин голос, присел на секунду от лёгкого страха – и к своему дому. Но не бежит, просто идёт побыстрее, дескать, не очень испугался.

А однажды мальчишка совсем оплошал. Вижу: бежит к соседскому колодцу, счастливо улыбается. Поёт песенку на своём секретном языке.

Вот она – ручка колодезного ворота. Блестящая, холодная. Сияет Антон Антоныч. Глаза горят – солнце отражают. А ручка ворота туда-сюда, туда-сюда. Жизнь!

Полный оборот ручкой он сделать пока не может. Роста мальчишке не хватает, чтобы полностью крутануть. Но и так хорошо: туда-сюда, туда-сюда. «Скрип-скроп, скрип-скроп...

– И вдруг:

– Возьми своего! – загудел из окна сердитый голос соседского прадедушки. – Следи, говорю тебе, за своим! Он мне колодец ломает!

Голос у Яна громовый. Гудит старик в сторону нашего дома, бабушку Антон Антоныча призывает. Гудит, как басовая труба духовая.

А Антон Антоныч испугался не на шутку: описался от страха. Попробовал бежать – ноги стали заплетаться. Да так, что он рухнул прямо под блестящую ручку колодезного ворота. Не плачет. По белым льняным штанам расплывается желтоватое пятно. А холодная ручка ворота предательски покачивается: «скрип-скроп, скрип-скроп...»

Ястреб

Какой же он всё-таки, соседский прадедушка? Если честно, то вредный. И ничего не помогает.

Но Антон Антоныч совсем не помнит зла. Решил внук посмотреть, как это Ян ходит на двух ногах да ещё на двух палочках.

Антон Антоныч к нему, дед от него. Тогда мальчишка тоже взял две можжевеловые палочки и стал ходить, как плоховатый прадедушка.

– А палки не наши? – загудел старик в сторону нашей бабушки.

– Не ваши, – сердито ответила бабушка.

Постепенно становится ясно, почему Ян старается чаще сиживать возле дома, а не в доме у подоконника. Со скамеечки ему подробно видны оба наших двора. Забора между ними нет, только яблоньки да ульи стоят.

Оказывается, Ян охраняет свой двор от Антон Антоныча! С палками охраняет.

Мальчишка не понимает этого. Он смотрит на неважного прадедушку, как на друга.

– Акука! – доверяет он Яну свои мысли.

В ответ из-под кепки, надвинутой на брови, смотрят глаза ястреба.

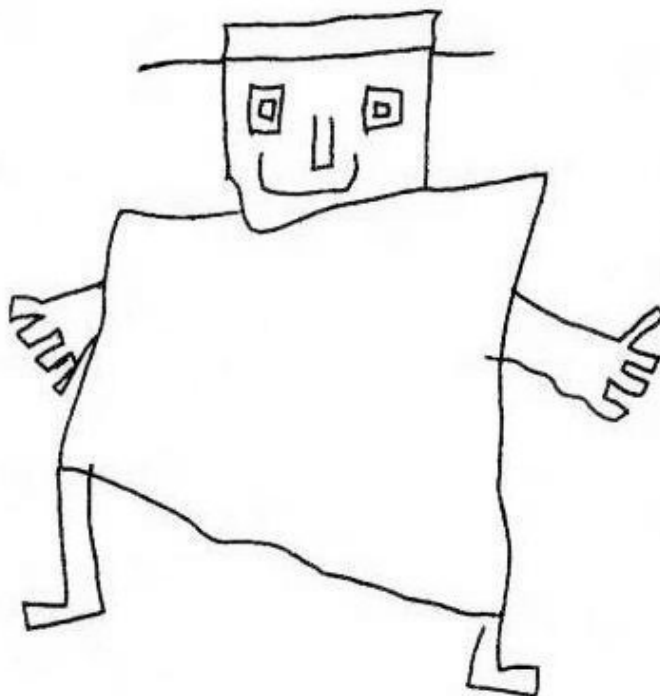
Потопчется Антон Антоныч около старого ястреба, потопчется и снова пробует разговаривать его:

– Аку-ка!

Неважный прадедушка молчит. Будто перед ним пусто. И Антон Антоныч отправляется по своим делам.

Гоняет молодых кур. Глядит, как взрослый петух рвёт когтем траву, а молодой не может пригладить перья на шее.

Можно и будку Лайки навестить, потолкаться возле цепной собаки.

Но куда ни пойдёт мальчишка, обязательно на глаза попадётся ручка колодезного ворота. И не оторвёшься от неё, если Ян не чихнёт.

Михал, старший зять Яна подсчитал: этим летом старик чихает одним махом тринадцать раз подряд. Можно не проверять. Постоянство и точность во всём – в природе Плохотоватого Яна. Это и хорошо, и плохо. Плохо, когда постоянство и точность крестьянина становятся бессмысленным упрямством. А такое бывает. В остальных случаях хорошо.

Смотрю я на Яна, говорю с ним, много думаю о нём и понимаю: время на нашем хуторе – это не часы. Время здесь – Ян Юсис. Он точнее и вернее, – как день и ночь, как времена года.

Старше Яна нет никого в округе. Конечно, Время – это он.

А, значит, и порядок хуторской – тоже он.

И никто больше под его вечным ястребиным глазом не в состоянии быть мудрее.

Никто, кроме Антон Антоныча. Ведь мальчишка не умеет помнить зло, а сам бесконечно добр и открыт. Антон Антоныч и Ян родились в марте. Только Ян на девяносто один год раньше...

Коллективное хозяйство

Выходные собачьи дни Антон Антоныч проводит вместе с Жуком и Лайкой. Тоже валяется в траве лицом к дороге. Жуку гладит пузо, а ноги лежат на Лайке. Лайка отвлекает мальчишку на себя, Жук на себя. И всем троим хорошо.

«Жигулей» не слышно, велосипеда не видно. «Скучен день до вечера, коли делать нечего». Жук куда-то исчезает. Но скоро возвращается: несет кость, обглоданную до блеска. Антон Антоныч берёт кость, мусолит шестизубым ртом. Не вкусно, он отдаёт кость собаке.

А я думаю: «Может мы ничего не понимает в детях и собаках? Может, отравились, как смогом, городским липовым знанием?»

...И снова собачьи будни.

Ах, как манит мальчишку Лайкина будка! Какой специальный домик!

Антон Антоныч лезет в будку. Лайка пляшет от радости, о поросятах забывает. На задних лапах она много выше Антон Антоныча. Часто от восторга подсекает его своей цепью и мальчишка падает возле будки на что попало. «Дружбу водить, так себя не щадить!»

Не раз в Лайкину миску с супом плюхался. Лайка не обижается, мальчишка и подавно. Садился, конечно, и мимо, но реже.

– Антоша, иди ко мне! – кричит наивная бабушка.

Словами нельзя увести Антон Антоныча от собачьей будки. Таких слов нет. Приходится хватать в охапку и уносить. Но это грубо. Это насилие над шестизубой личностью.

Отвлечь от будки могут, например, цыплята. За цыплятами интересно по двору бегать.

Когда и цыплята, и мальчишка устают носиться, все вместе жадно клюют просо из большой жестянки. Вернее, клюют цыплята, а мальчишка ест.

Раньше жестянка была селёдочной банкой. Теперь – цыплячья кормушка.

– И-и-и-и-г! И-и-и-и-г! – жалостливо кричит в высоком небе коршун-обманщик. Крик жеребёнка изображает, цыплят высматривает.

Не бояться цыплята коршуна – с ними Антон Антоныч. И коршун-притворщик планирует на другой хутор.

Как увести Антон Антоныча от цыплят? Если наступит вечер, выручает коровка. Жук подгоняет её к дому, и мальчишка бежит навстречу. Он любит бадучую игру. И здесь бабушка может его отловить. Опять насилие!

– Коровка яловая, молоко сметанное, – говорит пани Текля про свою любимицу.

Молодая на хуторе коровка, не телилась ещё. Молоко густое, сладкое, особенно на первых травах – майских и июньских.

Что ж, пока нет телёночка пусть выкармливает Акуку-человечка. «Ждали телёнка – дал бог ребёнка!»

Завораживают Антон Антоныча тёплые коровьи губы. Протянет коровке хлебную корочку и ждёт. А коровка берёт не сразу. Сначала шумно, неспешно нюхает гостинец, потом высовывает широкий язык. А вот языка-то Антон Антоныч боится. Мальчишка помнит, как это ленивый язык однажды слизал-смахнул с него шапку. Корова сжевала её.

И к цветной рубашке мальчишкиной любопытный язык всегда тянется.

Из посторонних неясностей корова особенно уважает газеты. Нерадивые ягодники и грибники бросают их в лесу и у дорог. По любимым дорожкам нашей коровы не найдёшь ни одной газеты! Не Жук же их собирает на макулатуру. Газеты на всякий случай съедает корова.

Как отвлечь Антон Антоныча от коровки?

Речкой!

– Жук, Жук, идём на Лакаю! – зовет хитрая бабушка лохматого пса.

Жук срывается с места и бежит к ней. Антон Антоныч за ним.

Лайка печально смотрит на нас. И она, и мы знаем: старый Ян ни за что не отпустит её на реку в рабочий день.

– Акука, – мрачно сочувствует собаке Антон Антоныч.

Лайка натягивает цепь, опускает голову и больше не смотрит в нашу сторону.

Пять смыслов одного дела

Наша бабушка человек неутомимый. И все-таки иногда устает. Антон Антоныч не устает никогда.

Как быть?

Надо дать Антон Антонычу обыкновенную катушку ниток всё равно какого цвета. И можно отдыхать. Мальчишка будет разматывать нитки! Не просто разматывать, а со смыслом.

В левой ладони зажимает катушку, правой разматывает. Немножко разматывает и конец нитки продевает между двумя нижними зубами. Внизу, вы помните, зубов у него пока больше и нет. Не выросли ещё. Потому и поговорка есть: «У ребят да у зайчат по два зуба».

Теперь конец нитки можно зацепить за зуб и тянуть нитку изо рта.

Представляете? С катушки нитка идёт за зуб, в рот. А изо рта ее снова тянешь наружу.

В этом Первый Смысл.

Теперь катушку можно бросить на пол и тянуть нитку двумя руками. Перебираешь, перебираешь, как матрос на палубе, и вытягиваешь, вытягиваешь нить изо рта, как фокусник в цирке. А катушка сама скачет, пляшет, постукивает по полу!

В этом Второй Смысл.

Ниток вокруг Антон Антоныча становится больше и больше. Стулья можно опутать, горшок, дверные ручки и бабушку, которая устала.

В этом Третий Смысл.

Каждый сантиметр километровой нитки пропущен между двумя зубами! Нитка намочла и здорово ко всему прилипает. Особенно к самому Антон Антонычу.

В этом хоть и четвертый, но Главный Смысл. Потому что хорошо работать в свое удовольствие, а не «ходить по ниточке».

Говорят: «По ниточке дойдёшь и до клубочка». Мало ли что говорят. Ещё надо посмотреть, кто теперь клубочек! С каждой новой попыткой Антон Антоныч запутывается в липкие нитки гуще и красивее. Но кокон-путанку никак пока из себя не сделает – рук мало.

Бабушка внука не останавливает. Не отговаривает от паучкового, гусеничного занятия. Бабушка успевает немножко передохнуть.

И это Пятый Смысл – Самый Главный.

Ниток нам хватит на весь сезон. Я даже цветными запасаю.

Наша Эгле

12 июня змеиный праздник. По народным приметам «змеи идут поездом на змеиную свадьбу». Это значит земля совсем тёплая стала.

Густое жаркое утро. Плотный душный день. Утомительный, ветреный горячий вечер. В такую погоду неподвижно лежит в самом прохладном углу стодолы наш уж, наша Эгле. По литовским преданиям уж – змея священная; есть грустная легенда об Эгле – королеве ужей...

Нашего ужа знали многие. Лет двадцать он жил под крыльцом. Крыльцо забетонировали и уж перешёл жить в хозяйственную полуземлянку на краю огорода. Здесь ему не понравилось. Два раза в год копают грядки, часто поливают. Беспокойная жизнь. И уж перебрался в стодолу, напротив моего окна.

Жил на виду, полеживал в сторонке, слева от входа. Никому не мешал и ему не мешали.

Долго отвыкал уж от крыльца, от полуземлянки – своих прежних жилищ. Каждую весну навещал их. Плавно и открыто тянулся сперва к крыльцу – самому доброму и долгому своему убежищу.

Под солнцем бетонные ступени быстро перегреваются. Уж снисходительно млеет на гладко затёртой бетонной жаровне. В такие дни мы пользуемся другим входом в дом. Кроме Антон Антоныча. Мальчишка не отходит от Эгле, садится рядышком. Внимательно смотрят один на другого, глаза в глаза. Эгле, как и положено, не мигая – у змей не бывает век, мигать нечем. Антон Антоныч помаргивает от необъяснимой тревоги.

И всё же мальчишка тянет руку к маленькой головке с двумя желтыми пятнами. Уж злобно ударяет-отталкивает руку и роняет свою крепкую головку на теплую ступеньку. Уж думает. Вспоминает старое деревянное крыльцо, уют под ним и людей на нём.

В закатные часы крыльцо быстро остывает, покрывается росой. Это сердит ужа. Дня через два-три такой жизни он уползает к огороду. В полуземлянке – втором своём жилище – задерживает дольше. Приятная тёплая сырость, чёрная земля, валежины, мыши шуршат в соломе. Тоже есть что вспомнить!

Отсюда удобно выходить в огород. В свежих грядках, в молодых всходах отсиживаются в зной лягушата. Полёвки забегают и мыши-малютки. Эгле исследует у завалинки входы-выходы домашних мышей. Нервничает у невиданных, позорных для вольной жизни предметов. У презренных бутылок из-под аэрозолей. У банки полиэтиленовой из-под стиральной пасты «Эридан». Сунулся уж в неё из любопытства – и назад: противный горький запах. Полежал в жестянке из-под селёдки. Но скоро вылез, сообразил, как это унижительно для него – старожила благословенных хуторских угодий.

Многие из знакомых городских рыбаков знали Эгле ещё до нас. Придут, бывало, в гости писатели Межелайтис, Беляускас и, конечно, Марукас и первым делом про ужа спрашивают.

Видят его и радуются, как дети:

– Привет, старик!

А как не радоваться встрече с хозяином.

Не встретят – просто покричат под крыльцо:

– Эй, старик, покажись!

...Наконец, уж решил навсегда поселиться в стодоле, перестал навещать свои старые гнёзда. Питался вокруг стодолы, здесь проложил незаметную охотничью тропку.

В свободное время, днём, лежал на тёплых досках или на песочке перед входом, у самых ворот.

Мы входили в стодолу осторожно, боялись нечаянно задеть Эгле. Откроешь ворота, осмотрись и заходишь.

Уж понимал нас и старался отдыхать в сторонке.

Однажды приехал из Швенченеля за грибами один из владельцев хутора – загорелый, обстоятельный человек Саша. Велосипед он всегда оставляет на дворе в тени. А тут решил поставить в столу.

Открыл ворота, вкатил велосипед, выходит, а навстречу змея ползёт. Поднял Саша с пола прутик да и стеганул Эгле. С испуга, наверное, стеганул, от неожиданности.

Эгле не стронулась с места. Только свернулась в тугой мрачный клубок и подняла головку: не понимает Александра Аркадьевича.

А Саша, видно, не оправился от испуга и еще раз Эгле прутиком.

Расправился уж во всю немалую длину, вытянулся, как плеть обжигающая, и, не страшась человека, не таясь, повернул к выходу.

Ушёл из своего третьего дома.

С того дня мы больше никогда не видели нашего ужа.

– Я же пошутил, – оправдывается до сих пор Александр Аркадьевич. – Кто же знал, что он такой обидчивый.

Антон Антоныч слушает взрослых и не очень понимает, в чём дело. Может, хорошо, что не понимает...

Поздний сиреневый вечер. Хутор тонет в густом сиреновом цветении. Запах сирени смешивается с клейким тополиным ароматом. Дорожки наши, сама пыль дорожная напитались этим бальзамом.

Антон Антоныч спит.

Где ты теперь, Эгле?

Душный вечер раскачивает травы вдоль её невидимой тропы.

Ложкой по лбу

Землянику собираем с двадцатого июня. Много её возле хутора. Лесные полянки, опушки, сосновый молодняк, береговые склоны – всё земляничники.

Сто раз на дню вспомнишь: «Стоит Егорка в красной ермолке, кто пройдёт, всяк поклон отдаёт?» Про землянику загадка.

Антон Антоныч собирать не умеет и не хочет. Куда бабушка, туда и он, – ходит не отстаёт. Собрала бабушка горсть – мальчишка рот открывает, а кузовок пустой. Собрал я горсть – мальчишка рот открывает...

Горсть – рот, горсть – рот, а кузовок пустой. Много ли так соберёшь?

Пришлось разделиться. Я хожу утром, жена – после обеда, когда мальчишка спит. Вечером ходим втроём.

Может, Антон Антоныч и кормился бы на земляничниках, да комары отвлекают – чешется и нас потерять боится – глазами постоянно ищет.

Попробуй-ка, поброди по лесу один! Тут привычка нужна.

А прошло денька три и освоился.

Отстал он как-то от нас и закричал:

– Ба-ба-аа!

Бабушка не откликается.

– Де-да-аа!

Не откликаюсь.

Наблюдаем за ним и помалкиваем. Он нас тоже видит.

Покричал-покричал и вдруг словно решил: а чего кричать-то? И сам стал собирать ягоды в рот.

Нагнётся, сорвёт, почешет комариный укус – и в рот ягодку. Присядет, сорвёт, почешется – и другую в рот. Зацепится за елочку белыми льняными штанами, упадёт, полежит-полежит, сорвёт третью ягодку. И подниматься-то с травки ягодной совсем не обязательно: вон она четвёртая земляничина, почти перед носом!

С того вечера редко просит срывать ему ягоды. Сам собирает с удовольствием. Только не в лукошко, а в роток шестизубый.

День первой земляники стал для Антон Антоныча праздником «Ложкой по лбу». Обычай есть: пробуешь кушанье первый раз в жизни или первый раз в году – получай ложкой по лбу. Такое вот весёлое благословение, разрешение. Чтобы добрая слава шла о кушании.

Тебе ложкой по лбу, а ты благодаришь за новое. Мы этого обычая не знали. Просветил друг Марукас.

А бабушка ещё одну игру вспомнила. Она росла в Калужкой деревне Агапино. У них был обычай хлестать ребятишек и скотину первой вербой. Стегали и приговаривали: «Как вербочка растёт, так и ты расти!» или по-другому:

Верба хлёт
дери до слёз,
верба красна
бьёт не напрасно!

Верба с давних пор служила символом силы и здоровья...

Насыпала бабушка землянику в железные кружки, добавила сахарного песка. Подавила ягоду липовой толкушкой и залила молоком.

Земляника! Самый душистый витамин природы! Земляника с молоком! Кто не ел – не поймёт.

Взял я деревянную ложку. Антон Антоныч и жена зажмурились. Хлопнул по лбу внука и бабушку. Они открыли глаза и засмеялись.

– Антоша, возьми ложку, хлопни деда, – напоминает справедливая бабушка.

Я зажмурился, страшновато всё-таки.

С первого раза Антон Антоныч промахнулся. Попал по уху. Или лоб у меня маловат, или уши великоваты, или поговорка «выше лба уши не растут!» – неправильная. А может мальчишке жалко меня? «Благослови, да головы не сломи!»

Хлопать Антон Антоныча ложкой по лбу приходится каждый день. На хуторе для него почти вся еда новая: литовский ржаной хлеб, сало, лук-порей, щавель, ревень, грибы, черника, костяника, брусника, ежевика, клюква, пироги с мясом, со щавелем, со всеми ягодами, даже с черёмухой.

И муравьиный «сок»!.. Не пробовали? Очистите от коры (ошкурьте!) небольшую липовую или можжевелевую палочку. Хорошо послунявьте её и положите на муравейник. Через две минуты возьмите палочку, стряхните муравьёв и облизывайте. Ну, как? Ложкой по лбу.

А называется это угощение «вкусная палочка».

Весело поели, дружно. Убрали со стола посуду. И забыли на столе деревянную ложку.

Примета есть: ложка, забытая на столе, к гостю. Милости просим. Земляника с молоком ждёт. И ржаной хлеб.

Кайка

Хорошая вещь пустышка. Разве заснёшь без неё по-хорошему?

Антон Антоныч уважает пустышку и ловко научился затыкать ею собственный рот.

Пустышка во рту – и начинается:

– Кай-кай-кай-кай-кай, – верещит мальчишка синичьим голоском.

– Кай-кай-кай-кай-кай, – то выше, то ниже, то тише, то громче поёт Антон Антоныч.

Это он себя усыпляет.

– Кай-кай-кай...

Сколько раз за одну трель споёт он мягкое словечко «кай»? Никто не считал. Может пятьдесят, может, и сто пятьдесят раз.

Пустышку мы теперь называет «кайкой» или «каюшкой».

Перед сном бабушка обязательно спрашивает Антон Антоныча:

– А что, мой хороший, мы забыли взять?

Мальчишка бросается к посудному шкафчику, хватает «кайку» и ловко забрасывает в рот.

– Правильно, мы же «каюшку» забыли! – соглашается бабушка.

– Кай-кай-кай-кай-кай... – верещит в кровати полусонный человек.

– Кай-кай-кай! – отзываются за вечерним сиреневым окном поздние желтогрудые синички.

Что значит «кай-кай»? Не знаем. Полгода слышим и даже не догадываемся. Песенка-верещалка просто нравится нам.

Подрастет Антон Антоныч тогда и спросим, про что пел-верещал песенку «Кай-кай».

Макушка лета

Пришел июль. Середина лета. Дни короче и короче, но сперва не замечаешь. Солнце высоко. Смотреть на него нет сил. Заслонишь глаза ладонью – ладонь и пальцы просвечивает рубиновый свет. И уводишь взгляд по косому лучу к земле.

Июль называют месяц-прибериха. Теперь на дворе да в избе пусто, а на поле густо.

Проверяет хозяин посевы, но радоваться никогда не спешит. Помнит:

взошли хлеба – не дивись,

налились хлеба – не хвались,

хлеб на току – про урожай толкуй.

Серьёзные слова, обязательные, справедливые.

Правда, сладкоежка-июль богат лесными ягодами.

Высоко, опрятно сложено жаркое сено: крестьянин июлю памятник поставил. В душистые стога прячет крестьянин лето.

«Щука ныряет, весь лес валяет, горы подымает?» – про косу, про сенокос загадка сложена.

А сенцо наше на любой вкус, «сенцо – что твой чаёк!» Есть и заливное, и пойменное, и боровое, и чисто луговое. Это всё злачное сено.

Косят и на болотах. Здесь берут сено «листовняк». Оно ботвистое, широколистое. Листовняк похуже злачного...

В разогретых травах перекачивается жаркий стрёкот кузнечиков. Самый знаменитый звук в июльском хоре! К ясной погоде песня кузнечиков звенит, не остывает до глубокой ночи.

До позднего вечера носятся-свистят ласточки и бегают по дорожкам лесные трясогузки.

Песни июля далеко разносятся в закатном воздухе, особенно над рекой и озером. Слышу – косарь на лугу прибрежном: «Жих-дёр-р, жих-дёр-р!» Видно, Михал решил покосить по вечерней росе. Роса косу точит: «На травах роса – легче ходит коса».

– Пойдем Михала поглядим?

– Аг-га! – соглашается мальчишка.

Перешли мостик через Лакаю. Косаря не видно, а коса совсем рядом ходит.

«Жих-дёр-р, жих-дёр-р!» – хрустит срезаемая под корень трава.

Поднимаемся повыше, к лесу – никого, и звук отдаляется. Мы – назад, прямо лугом идём на звук. «Жих-дёр-р, жих-дёр-р!» – приближается.

А где же косарь?

Скрытый осокой у кромки берега бежит коростель и скрипит в свое удовольствие:

«Жих-дёр-р, жих-дёр-р!»

Нет здесь никакого косаря. Это коростель-дергач так кричит. Пошутить над нами надумал.

Антон Антоныч и заметить птицу не успел. Убежал косарь луговой. Здорово бегают, летает хуже.

– Пошли домой, бабушке расскажем.

– Аг-га!

Пудик

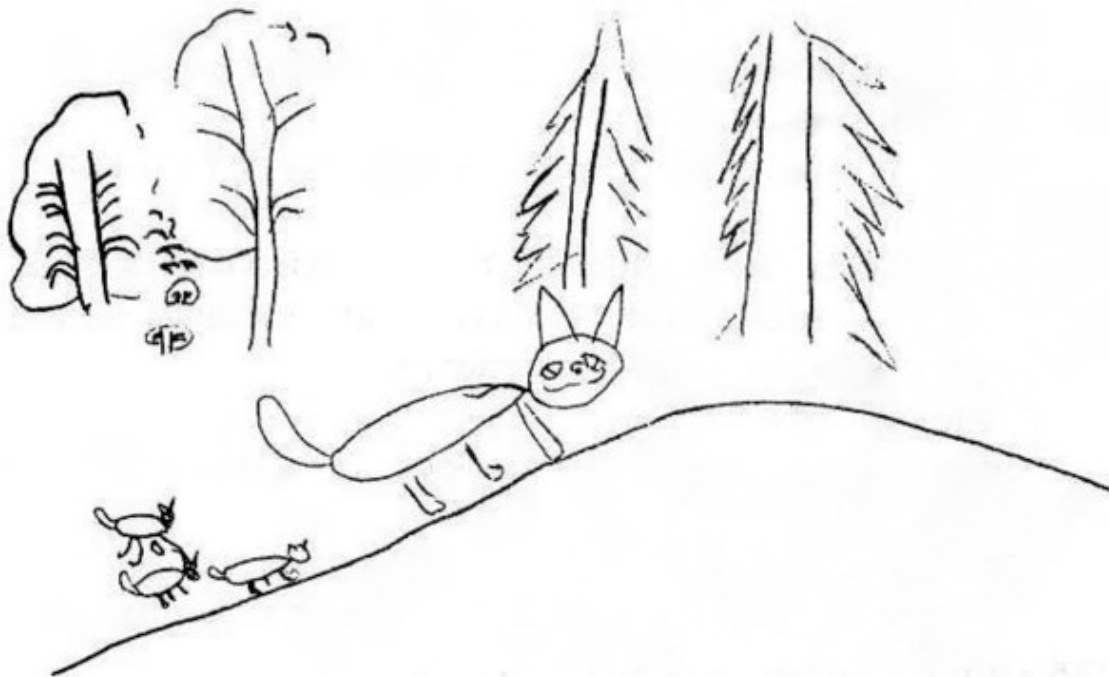
На хуторе появился серый котёнок с белым крестом на животе. Я привёз его из Вильнюса. Ездил за книжками для Антон Антоныча, а Лиля, соседская внучка передала со мной котёнка для стариков.

Назвали котёнка Пудиком. Не потому, что легче пуда, а просто так: «хорошо там и тут, где по имени зовут».

Ни Жука, ни Антон Антоныча, ни Лайки котёнок не боится с первого дня. Держится как равный. Да и не догнать им никогда Пудика.

Любимое занятие котёнка – трясти яблони. Доберётся по стволу до самых тонких – концевых ветвей, шмякнет лапочкой по яблочку – собьёт. Собьёт и проводит вниз озорным взглядом. Шмякнёт – собьёт – проводит, шмякнёт – собьёт – проводит... Весёлый зверь – весёлое дело!

«Тук, тук-тук-тук» – глухо бьют яблоки в землю. Хвост Пудика торжественно вздрагивает. Котёнок раскачивается на ветке, наполовину срывается. Поболтается-поболтается в воздухе, как десантник на турнике, и снова забрасывает себя на ветку. Совсем не страшно!

Хвост гордо дёргается, зрачки светятся, яблоки падают, падают, падают... «Вас много, я – один!» – думает озорной Пудик про яблоки и про себя, и хвост снова мелко-мелко вздрагивает. Может он смеётся хвостом?

Из-за котёнка Антон Антоныч выучил новое слово!

– Уди, – говорит мальчишка Пудик. Спокойно говорит, даже ласково.

– Уйди! – часто слышит мальчишка на хуторе. Так взрослые сердито отгоняют котёнка, собаку, петуха, поросят, детей.

Антон Антонычу сердиться на зверей не за что, а словечко удачное упускать не хочется.

«Уди!» – слово грубоватое, но у мальчишки звучит приятно.

Первый бедовый

Каждый день смотрим с Антон Антонычем на ласточкино гнездо. Растут птенцы над моим окном. Выше и выше над краешком открытого сверху гнезда четыре аккуратные головки.

А родителям-ласточкам сидеть некогда, все кормят, кормят детишек.

Ближе к ночи полетел вдруг над хутором беспокойный ласточкин свист. Захлебывается свист, сбивается, в треск превращается.

Над землёю носятся ласточки-родители. Оказывается, детёныш выпал из гнезда и неуклюже шлепнулся на крышку улья под яблоней.

– Как же это, как же это? Arr-arr! – спрашивают друг друга ласточки.

Как? А так: взобрался Первый, и Самый Бедовый, детёныш на край гнезда. Взобрался и впервые почувствовал: нет мягких стенок, нет братьев-сестричек впритирку к его крылышкам. Свобода!

Покрутил чёрной головой, осмотрелся. Осмотрелся да и встряхнулся свободно. А пёрышки молодые, целые да упругие, взяли и расправились!

Нахохлился, заважничал Первый и Самый Бедовый. Ещё свободнее, веселее встряхнулся и закачался на спичечных лапках. Покачался-покачался на краешке и свалился, сорвался с гнезда.

Падает, а крылышки сами трепещут и несут куда-то малыша. На глаза улей попался. Бочком, бочком Первый Бедовый и допорхал до улья на неумелых крылышках.

Сидит с открытым клювом, дрожит. Родители носятся над первым слётком и кормят, кормят Первого Бедового. Про других птенцов забыли. А те слышат знакомые голоса, ничего не понимают и орут в три горла – есть просят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.